киевских князей, но что речь идет о конкретной дружине XIV—XV вв., о симпатиях Михаила к определенному социальному слою, а не к какому-либо узкому кругу его сподвижников. Речь идет об определенной «внутренней» политике Михаила. Становится понятным, кто эти «мудрые земли», о которых говорилось выше. В результате этой политики Михаила, говорит составитель, работавший по заказу Бориса Александровича, «сего ради... и двор его день от дне множайше крепляшеся».[93] Любой дворянин, «слуга вольный», захотел бы пойти на службу к такому князю, — так описана любовь его к ним в данной «Повести».

Не так легко найти в древнерусской литературе более резкую противоположность взглядов: «Михаил, как самого Христа, любил святителей, князей церкви», — уверяет писавший для епископа Арсения; «Михаил больше золота любил своих дружинников-дворян», — возражает ему перерабатывавший первичное житие для великого князя Бориса Александровича. Ясно, что и читатели, к которым обращался составитель «Повести» Тверского сборника, иные, чем те, на которых рассчитывал составитель «Повести» Никоновской. Различием социальных позиций составителей обеих «Повестей», из которых один писал с позиции бояр-вотчинников, а другой — с позиции дворян,[94] и объясняется противоположность их отношения к общерусскому единству, к Москве и к татарам, различие их представлений об идеале князя.[95]

Итак, в Тверском сборнике под 1402 г. сохранилась другая «Повесть о Михаиле», нежели та, которая находится в Никоновской летописи и часть которой (хвалебная характеристика правления Михаила) сохранилась в Симеоновской. «Повесть о житии и преставлении Михаила» не просто переходила из одного летописного свода в другой, представляя собой при этом все ту же ее редакцию, как это было с краткой «Повестью о преставлении Михаила», которая именно так перешла из Владимирского полихрона — свода Фотия 1423 г. в Н4Л и С1Л и далее в Воскресенскую и другие. «Повесть о житии и преставлении Михаила» представлена разными редакциями в Никоновской и Тверском сборнике, третьей редакцией является сделанная на основе этой же повести распространенная «Повесть о преставлении Михаила» Симеоновской летописи и Рогожского летописца. Следовательно, она перерабатывалась многократно за время своего движения по летописным сводам. Поскольку в связи с этим шахматовская схема движения «Повести» по летописным сводам оказывается неверной, возможно, что и сами своды, в которых она находилась, были иными, чем думал А. А. Шахматов.

Возвратимся к рассказу о смерти Михаила Тверского сборника. Он не является тождественным и с рассказами о том же Никоновской и Симеоновской. Прежде всего он гораздо короче последних, хотя начинается с того же, что и они: с сообщения о приходе посланцев с иконой из Царьграда. В нем пропущен целый ряд эпизодов, имеющихся в Никонов-

[93] ПСРЛ, т. XV, стлб. 469.

[94] «По летописи двор — это прежде всего совокупность военных слуг» (В. Т. Пашуто. Очерки истории СССР IX—XIII вв. 1953, стр. 288). Речь идет о XII в. В исторической науке термин «дворяне» принято употреблять часто в узком смысле слова — только для дворян-помещиков, т. е. для времени начиная с конца XV—начала XVI в., когда оформляется поместная система. Но это не мешает нам употреблять, вместе со специалистами по истории XII—XIII вв., этот термин в широком смысле слова: для всех видов служилых феодалов, т. е. владевших землей в качестве условных держателей.

[95] Мы не приводим всех доказательств в пользу этого утверждения, как и вообще не приводим всех возможных доказательств относительно содержания упоминаемых вариантов «Повести о Михаиле», поскольку это можно сделать полностью только в работе, специально посвященной «Повести о Михаиле».